

Гностикъ Валентинъ и валентиніанство.

Валентинъ является самымъ яркимъ выразителемъ западнаго или александрійскаго гностицизма и, быть можетъ, весьма характернымъ представителемъ, какъ и Карпократъ, гностицизма вообще. По крайней мѣрѣ Ипполитъ II¹⁾ свидѣтельствуесть, что школа Валентина распалась на западную, италійскую, и восточную. Значить, въ ней лежали зародыши и восточнаго гностицизма. И св. Иринея²⁾ приписываетъ Валентину какую-то особую роль въ исторіи гностицизма, говоря, что „Валентинъ—первый, измѣнивъ древній ученіи гностической ереси въ (систему съ) особый характеръ, училъ такъ“... и между прочимъ самъ производитъ ученіе Валентина отъ восточныхъ гностиковъ, офитовъ³⁾. По представленію Иринея⁴⁾, валентиніанство есть „сокращеніе всѣхъ еретиковъ“ (*recapitulatio omnium haeresionum*), и тотъ, кто поразитъ его, опровергнетъ всякую ересь.—Что касается личности Валентина, то, какъ видно, хотя и изъ немногихъ сохранившихся его фрагментовъ, и изъ усвояемой ему системы,—это былъ человекъ

¹⁾ *Refutatio*. L. VI, c. 35: „Καὶ γέγονεν ἐνταύθην ἡ διδασκαλία αὐτῶν (т. е. валентиніанъ) διχορημένη καὶ καλεῖται ἢ μὲν ἀνατολική τις διδασκαλία κατ' αὐτοὺς, ἢ δὲ Ἰταλιωτική“. Ed. Duncker, p. 287.

²⁾ *Contra haereses*. L. I, c. 11, 1: „Qui enim est primus, ab ea, quae dicitur Gnostica haeresis, antiquas in suum characterem doctrinas transferens Valentinus sic definiuit“... Или правильно же передаетъ это мѣсто св. Епифаній (*Haer.* XXXI, c. 34) въ греческ. текстъ: „Ὁ μὲν γὰρ πρῶτος ἀπὸ τῆς λεγομένης Γνωστικῆς αἰρέσεως τὰς ἀρχαὶ εἰς ἕνα χαρακτῆρα διδασκαλείου μεταρρόσας Ὀβαλεντίνος οὕτως ἐξαφόρισεν“.

³⁾ *Contra haeres.* L. I, c. 31, 3.

⁴⁾ *Contra haeres.* L. IV, praefacio, c. 2.

столь богато и разнообразно одаренный, что едва ли даже среди гностиковъ, какъ извѣстно, людей вообще талантливыхъ, были ему равные. Онъ былъ глубокомысленнымъ философомъ, напоеннымъ преимущественно духомъ и идеями Платона, а отчасти Пифагора ¹⁾,—проциклованнымъ моралистомъ, исходящимъ изъ вопроса о злѣ и грѣхѣ въ постепенномъ восхожденіи, обвинявшимъ весь универсъ, доказывая въ этомъ случаѣ свое знакомство съ учениемъ ап. Павла, основной этической проблемы котораго онъ не понялъ,—ораторомъ, не лишеннымъ поманія ²⁾, и наконецъ—рѣдкимъ властителемъ думъ и руководителемъ совѣсти другихъ. Какъ личность привлекательная и притягивавшая къ себѣ, Валентинъ имѣлъ многочисленныхъ послѣдователей во всѣхъ странахъ міра ³⁾. Но, по-видимому, извѣстный афоризмъ одного изъ своихъ учителей (Василида): „ты знай всѣхъ, а тебя пусть никто не знаетъ“ Валентинъ превелъ послѣдовательно въ жизнь. Онъ оставался неизвѣстною величиною загадкою для массъ своихъ послѣдователей. По выраженію одного изъ послѣдователей гностицизма (Мида), „позади валентиніановскаго движенія стоитъ страдальческій, полный таинственности образъ Валентина... (этого) великаго неизвѣстнаго гностицизма“. Только немногіе отчасти предугадывали шлъ, къ которой стремился Валентинъ; но и они, должно быть, не проникали въ сокровенныя мысли своего учителя. Св. Иринеи ⁴⁾ жалуется, что среди послѣдователей Валентина нельзя встрѣтить двухъ или трехъ, чтобы они объ одномъ и томъ же говорили одно и то же и не противорѣчили другъ другу не только въ именахъ, но и сущности. Очевидно, сѣмя, изъ котораго развилась вся система Валентина, осталось сокрытымъ даже для близкихъ учениковъ

¹⁾ Ср. *Refutatio*. VI, 21.

²⁾ „Дарованіе“ (*ingenium*) и въ частности „краспорѣчіе“ (*eloquium*) Валентина признаетъ даже Тертуліанъ (*Adv. Valent.* c. IV).

³⁾ См. напр. *Еписѣпій*, Ерес. XXXI, 7.

⁴⁾ Кн. I, гл. 11, 1 ср.—гл. 21, 5.

его. Вотъ почему каждый изъ нихъ, выдавая себя за постведателя Валентина, въ то же время раскрываетъ въ сущности свое собственное ученіе.

Источниками для знакомства съ ученіемъ Валентина и съ личностью его прежде всего должны служить, конечно, его сочиненія, а потомъ уже труды ересеологовъ.

Въ сочиненіи Климента Алекс. 1) *περί προνοίας*, или *de providentia*, во фрагментѣ, открытомъ Mercati, упоминается 1) сочиненіе Валентина „о трехъ природахъ“ (*περί τῶν τριῶν φύσεων*), фрагментъ изъ котораго 2), вѣроятно, имѣется у Евлогія Алек. 3). О содержаніи названнаго сочиненія Валентина судить трудно; можно предполагать, что оно посвящено обозрѣнію плуromы, кеномы и матеріи; а въ частности въ небольшомъ фрагментѣ, находимомъ у Евлогія Ал., рѣчь идетъ о природѣ I. Христа. И едвали есть необходимость вмѣстѣ съ Гарнакомъ 4) отвергать подлинность его на томъ основаніи, что въ немъ идетъ рѣчь о природахъ I. Христа, т. е. вопросѣ, которымъ занимались преимущественно въ IV в. Какъ извѣстно, во 2-й половинѣ II в. появилась ересь антигрититаріевъ. Въ борьбѣ съ ними затрагивался вопросъ и о природѣ I. Христа. Такъ, напр. Тертуліанъ 5) въ своемъ

1) „Οὐαλεντίνος ὁ κίρειαρχος πρῶτος ἐπένοησεν ἐν τῷ βιβλίῳ τῷ ἐπιγεγραμμένῳ περί τῶν τριῶν φύσεων“. См. Preuschen у Hauck'a XX, s. 398.

2) Гарнакъ относительно его замѣчаетъ (*Geschichte*, I, 1, S. 183): ни по содержанію, ни по формѣ фрагментъ не можетъ происходить отъ Валентина, но принадлежитъ самое раннее IV в. Но относительно „содержанія“ Гильгенфельдъ основательно доказалъ, что во фрагментѣ ннего нѣтъ несообразнаго со II-мъ вѣкомъ.—*Die Ketzergeschichte*, S. 302—303.

3) *Patrologiae cursus*. Migne CIII, ser. gr. cc. 1044—1045—*Εὐλόγιος*... ты обрати вниманіе и на болѣе древнюю путаницу (въ этомъ вопросѣ). Ибо Валентинъ къ слову такъ говоритъ: „Τῶν Γαλιλαίων ἐπὶ Χριστοῦ δύο φύσεις λεγόντων πλατὸν καταχέομεν γέλωτα ἡμεῖς ἰδρ τοῦ ὄρατος καὶ ἀοράτου μίαν εἶναι τὴν φύσιν φαρμέν“. (Курсивъ у Миня).

4) *Geschichte* I, 1. S. 183.

5) *Liber adversus Praxeam*, c. XXIX (*Patrologiae cursus*. Migne. T. II, ser. lat. c. 194): „...cum duae substantiae censeantur in Christo
Труды Императорской Киев. Дух. Академіи. Т. II. 1916 г. 8

сочиненіи „Противъ Цраксея“ говорить о двухъ субстанціяхъ І. Христа—божественной и человѣческой, одной безсмертной, другой—смертной. Мелитонъ Сардіійскій ¹⁾ пишетъ третье слово о *плоти Христа* (*περὶ σαρκώσεως Χριστοῦ*). Есть подобныя выраженія и у Иринея, и у Оригена ²⁾.—2) Псевдо-Тертуліанъ ³⁾ говорить, что Валентинъ „имѣлъ даже свое евангеліе помимо нашихъ“, которое у Иринея ⁴⁾ называется, вѣроятно по его заглавію, „евангеліемъ истины“. Это извѣстіе, какъ болѣе никѣмъ и ничѣмъ не подтверждаемое, считается недостовернымъ (напр. Липсіемъ, Прейсшеномъ и др.). „Однако нельзя ли допустить,—въ вопросительной формѣ хочеть дать положительный отвѣтъ Мидъ ⁵⁾,—что евангеліе здѣсь употреблено въ василіаданскомъ смыслѣ, въ смыслѣ изложенія гносиса или познанія о потустороннемъ мірѣ“? Важно въ данномъ случаѣ заключеніе авторитетнаго изслѣдователя канона Цана ⁶⁾, что школа Валентина только въ послѣдующее время, т. е. по смерти своего основателя, приняла къ тому, чтобы поставить рядомъ съ церковн. евангеліями свое собственное.—3) Еще изъ сочиненій общаго, теоретическаго, теософскаго характера приписывается Валентину нѣкоторыми изслѣдователями, преимущественно французскими и англійскими ⁷⁾, сочиненіе Sophia, поводъ къ чему дается въ словахъ Тертуліана ⁸⁾: „Лицо Бога открывается въ простотѣ изслѣдованія“, какъ учить сама премуд-

Jesu, divina et humana, constet autem immortalem esse divinam, sicut mortalem quae humana sit“.

¹⁾ См. *Harnack. Geschichte*. I, I. S. 250.

²⁾ См. у *Hilgenfeld'a. Die Ketzergeschichte*. SS. 302—303.

³⁾ *Ps. Tertullianus*, с. XII. „Evangelium habet etiam suum praeter haec nostra“.

⁴⁾ *Adver. haeres.* III, 11, 9.

⁵⁾ *G. R. S. Mead. Fragments of a faith forgotten*. 1906. London p. 298.

⁶⁾ *Geschichte d. neutest. Kanons*. B. I. s. 750.

⁷⁾ Этого вопроса мы уже касались отчасти раньше. См. Труды Имп. Киев. Дух. Академіи. 1914, X, стр. 2, прим. 2.

⁸⁾ *Adversus Valentinianos*, с. II. *Migne*, T. II, с. 544.

юсть, конечно не Валентина, а Соломона (*docet ipsa Sophia, юв quidem Valentini, sed Salomonis*)¹⁾. Намъ кажется, справедливо утверждаютъ, напр. Липсіѣ²⁾ и Прейшенъ³⁾, что ошибочно видѣтъ въ приведенныхъ словахъ Тертуліана указаніе на отдѣльное сочиненіе Валентина, а не на его гностическое мудрствованіе вообще³⁾.—4) Равнымъ образомъ несомнѣтельно видѣтъ указаніе на сочиненіе Валентина въ діалогъ *Adamantius* „*Περὶ τῆς εἰς θεῖον ἐρήνης πίστεως*“ въ слѣдующихъ словахъ. На предложеніе Адамантия избрать въ началѣ одного диспута предметъ обсужденія валентинианинъ Дрозерій говоритъ, что онъ предлагаетъ *Δόγμα... τοῦ Οὐαλεντίνου, σφόδρα ὀρθοτάτου* и продолжаетъ: „*Ἐγὼ, τὸν Ὅρον Οὐαλεντίνου καὶ ἀναγινώσκω*. Язычникъ Евтропій проситъ читать „*τὸ δόγμα Οὐαλεντίνου*“⁴⁾. Въ прежнее время и существовало мнѣніе, что подѣ *Δόγμα* или *Ὅρος Οὐαλ.* нужно разумѣть сочиненіе Валентина и здѣсь видѣтъ фрагментъ его.—Но теперь уже обнаружено, что приписываемое здѣсь Валентину заимствовано изъ сочиненія Меодія „*Περὶ ἀποθέσεως*“⁵⁾.—5) Ипполитъ II упоминаетъ⁶⁾ о „видѣніи (*ὄραμα*)“ Валентина, на которомъ основывался его „*πρακτικὸς μῦθος*“ и вся его ересь. Нужно ли подѣ *ὄραμα* и *πρ. μῦθος* подразумѣвать лишь устные рассказы Валентина или здѣсь имѣются въ виду и его записи—сказать трудно.—Если названныя сочиненія—подлинныя или неподлинныя—заняты, по-видимому, вопросами теоретическими, теогоническими, космогоническими, то рядъ другихъ сочиненій посвященъ предметамъ нравственно-практическимъ и

¹⁾ *Lipsius, A Dictionary...* Smith, IV, p. 1079.

²⁾ *Preuschen, Realencyklopädie*. Nauck, B. XX, S. 398.

³⁾ Или тояже эонъ *Σοφία* (См. *Tertullianus. Adver. Val. c. IX. Cp. vardenhewer, Geschichte der altkirch. Litteratur. B. I, S. 332.*

⁴⁾ *Der Dialog des Adamantius. Ed S. Bakhuyzen. Leipzig. 1901* 136.

⁵⁾ *Harnack, Geschichte, I. I. S. 182—183.*

⁶⁾ *Refutatio. VI, 42.*

богослужебнымъ. Такъ, изъ замѣчаній Тертуллиана ¹⁾, Оригена ²⁾ и канона Мураторія ³⁾ видно, что Валентинъ былъ склоненъ къ поэзіи и составилъ книгу псалмовъ. Они употреблялись, очевидно, при богослуженіи, потому что они сопоставляются съ псалмами Давида, и удовлетворяли, нужно думать, формальнымъ требованіямъ этого рода литературы, такъ какъ Тертуллианъ не украшаетъ ихъ никакимъ обиднымъ эпитетомъ. Кромѣ того Валентину приписываются гимны, проповѣди или бесѣды и различнаго рода посланія.

Къ сожалѣнію, отъ сочиненій Валентина остались лишь немногіе фрагменты, сохраненные почти исключительно Климентомъ Александр. Напр., 1) часть бесѣды о безсмертіи пневматиковъ—Стром. IV, 13, 89...; 2) нѣсколько дальше дѣлается извлеченіе изъ той же самой или другой бесѣды объ отношеніи міра феноменальнаго къ его прототипу и въ частности о природѣ души.—IV, 13, 89—90; 3) отрывокъ бесѣды „О дружбѣ“, гдѣ рѣчь идетъ о всеобщности откровенія.—Стром. VI, 6, 52; 4) отрывокъ изъ посланія о томъ, какъ удивились ангелы-деміурги, когда вышѣпленная ими изъ глины человѣч. фигура получила одушевленіе—II, 8, 36; 5) отрывокъ изъ посланія о душѣ, какъ „вмѣстилищѣ нечистоты и жилищѣ множества демоновъ“—II, 20, 114; 6) отрывокъ изъ письма къ неизвѣстному Агаѳоподу о плоти Христа и тѣлесныхъ потребностяхъ—III, 7, 59. У Ипполита II встрѣчаемъ извлеченіе изъ псалма Валентина—о взаимной зависимости и единствѣ всего созданнаго—Refutatio VI, 37 ⁴⁾.

¹⁾ „Намъ помогаютъ въ данномъ случаѣ (въ вопросѣ о воплощеніи Христа) и псалмы не (псалмы) отступника, конечно, и еретика, и платоника Валентина, но святѣйшаго и повсюду принятаго пр. Давида“. *Patrologiae. Migne, II, с. 786.*

²⁾ На Іов. XXI, 11 у Наук'а, XX, S. 398.

³⁾ *Kanon Muratorianus, S. 81. У Zahn'a. Geschichte des neut. Kanons. B. II, 1 Hälft. S. 8.*

⁴⁾ Всѣ фрагменты собраны у *Hilgenfeld'a. Die Ketzergeschichte. SS. 293—305.*

—Возсоздать по этимъ фрагментамъ систему Валентина, разумѣется, нѣтъ никакой возможности, хотя значеніе ихъ, какъ подлинныхъ сочиненій Валентина, чрезвычайно высоко.

Теперь обратимся къ ересеологамъ.

Ученіе и дѣятельность Валентина, направленныя ко вреду церкви, были замѣчены очень рано и вызвали противодѣйствіе и обличеніе. Тертуллианъ ¹⁾ упоминаетъ о 4-хъ лицахъ,—объ Іустинѣ, Мильтіадѣ, Иринеѣ и Проклѣ, направлявшихъ свои сочиненія противъ Валентина. Иринея ²⁾ говоритъ о Поликарпѣ, такъ или иначе противодѣйствовавшемъ Валентину. Повидимому, Егезиппъ въ своихъ *Ἰστορίαις* также обличаетъ Валентина ³⁾. Уже названный св. Иринея ⁴⁾ знаетъ среди своихъ предшественниковъ нѣсколькихъ и „много лучшихъ“, чѣмъ онъ (*multo nobis meliores*), опровергавшихъ Валентина; но главный недостатокъ ихъ—по приговору Иринея—тотъ, что они не знали ученія (*regulam*) самого Валентина и валентиніанъ. Затѣмъ о Валентинѣ и валентиніанѣхъ говорятъ всѣ другіе ересеологи, кончая Θεодоритомъ.

Первое мѣсто между ересеологами должно быть отведено св. Иринею, который посвящаетъ изложенію валентиніанства первыя 21 главы ⁵⁾ своей первой книги и занятъ опроверженіемъ (главнымъ образомъ) валентиніанства во всѣхъ остальныхъ книгахъ. Иринея ⁶⁾ собственно излагаетъ

¹⁾ Противъ валентиніанъ, гл. 5.

²⁾ Противъ ересей, III, 3. 4.

³⁾ Евсевій, Церк. Исторія IV, 22.

⁴⁾ Предисл. къ IV кн. гл. 2.

⁵⁾ Только свѣдѣнія Иринея о Гороцѣ (*Ἰσρος*, Предѣлѣ) валентиніанъ стоятъ изолированно. II, 12, 7.

⁶⁾ *Contra haereses. Liber. I. Praefacio, c. 2: „ἀναγκαῖον ἡγήσαμαι ἐν τῶν τοῖς ὑπομνήμασι τῶν, ὡς αὐτοὶ λέγουσιν, Οὐαλεντίνου μαθητῶν, ἐνίοις δὲ αὐτῶν ἢ συμβαλῶν, καὶ καταλαβόμενος τὴν γνώμην αὐτῶν, μνησθῆναι σοι, ἀγαπῆ τὸ τὰ τερατῶν καὶ βαθῆα μυστήρια... Καὶ καθὼς δύναμις ἡμῶν, τε γνώμην αὐτῶν τῶν νῦν παρὰ διακόντων, λέγω δὴ τῶν περὶ Πτολεμαίων. ἀπάντησα οὖσαν τῆς Οὐαλεντίνου σχολῆς, συντόμως καὶ σαφῶς ἀπαγγελοῦμεν“.*

ученіе не самого Валентина, а его учениковъ, и не обинуясь говорить объ этомъ во введеніи къ своему сочиненію: „Я счелъ нужнымъ, обратившись къ сочиненіямъ тѣхъ, которые сами называютъ себя учениками Валентина, и вступая въ бесѣду съ нѣкоторыми изъ нихъ и узнавая мнѣнія ихъ,—показать тебѣ, возлюбленный, чудовищныя и глубокія тайства“ (ихъ)... „И какъ можемъ, кратко и ясно изложимъ мнѣніе въ настоящее время распространенныхъ, говорю о послѣдователяхъ Птоломея, вѣтви школы Валентина“¹⁾. Въ общемъ весь отдѣлъ Иринея о валентиніанахъ (I, 1—21) распадается на четыре части: 1) первая семь главъ даютъ описаніе цѣлой системы Птоломея; 8 и 9 главы въ качествѣ добавленія знакомятъ съ методомъ толкованія св. Писанія со стороны послѣдователей Птоломея и даютъ опроверженіе такого толкованія; 2) (X-ая глава содержитъ изложеніе вѣры), XI и XII показываютъ, какія различныя мнѣнія существовали среди послѣдователей Валентина, мало согласныхъ между собою,—даютъ въ своемъ родѣ исторію развитія школы; 3) гл. XIII—XVIII трактуютъ о Маркѣ и его послѣдователяхъ; 4) главы XIX—XXI имѣютъ видъ приложенія²⁾ ко всему описанію секты, 19 и 20 главы снова указываютъ на извращеніе валентиніанами, на этотъ разъ маркосіанами, мѣстъ св. Писанія; 21 говоритъ о богослужебной и церковно-практической сторонѣ гностиковъ. Извѣстный изслѣдователь валентиніанскаго гнозиса—Гейнрици³⁾ доказываетъ, что Иринеи составилъ свой отдѣлъ о валентиніанахъ крайне слабо. Онъ, повидимому, считалъ своею задачею—предста-

¹⁾ Послѣ такихъ прямыхъ заявленій Иринея излишни замѣчанія одного повѣйнаго изслѣдователя: „Здѣсь не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы попытаться открыть (у него) какой-нибудь фрагментъ изъ сочиненія учителя. Несомнѣнно, Иринеи никогда не имѣлъ подъ руками сочиненій Валентина“. *De-Faye, Gnostiques*, p. 93.

²⁾ Ср. начало XIX гл. „Я почитаю необходимымъ присовокупить къ сему“...

³⁾ *G. Heinrici. Die Valentinianische Gnosis. Berlin. 1871. SS. 18—28.*

нить развитіе системы, а потомъ исторію школы. Самостоятельнаго, правильно расчлененнаго ученія основателя школы Иринея не даетъ; онъ хочетъ сосредоточить свое вниманіе на ученикахъ Птолемея. „Однако его изложеніе отнюдь не носитъ отпечатка опредѣленнаго школьнаго мнѣнія и не соответствуетъ тѣмъ сообщеніямъ, которыя онъ дѣлаетъ позже о собственныхъ формулахъ Птолемея“ и т. д. De-Faye¹⁾ полагаетъ громадную заслугу Гейрици въ критикѣ изложенія Иринея о валентиніанахъ. „Гейрици единственный, кто подвергъ это сообщеніе (Иринея) точной и должной критикѣ. Онъ открылъ у него путаницу и повторенія. Отсюда онъ заключилъ, что Иринея пользовался различными источниками и различнаго достоинства“. Самъ De-Faye всецѣло на сторонѣ Heipici и посылаетъ упреки по адресу Hilgenfeld'a, не воспользовавшись критикою Гейрици; хотя De-Faye отнюдь не относится такъ скептически къ источникамъ Иринея, какъ Гейрици, справедливо замѣчая, что во времена Иринея еще не строили ничего на источникахъ, имѣвшихъ маловажное церковное значеніе.— *Тертуліанъ*²⁾ въ своемъ сочиненіи „Adversus Valentinianos“

¹⁾ *Eug. De-Faye. Gnostiques et Gnosticisme*, p. 85—93. Для насъ непонятно, какимъ образомъ De-Faye могъ забыть о громадной заслугѣ Лиція для изученія источниковъ гностицизма и въ частности его тогдашаго критическаго анализа сообщеній Иринея о валентиніанствѣ (См., напр., *Die Quellen der ältesten Ketzergeschichte*. SS. 36—64; *A Dictionary of Christian Biography*. V. IV, p. 1079—1081).

²⁾ Исследователи ставятъ сочиненіе Тертуліана „Противъ валентиніанъ“, какъ источникъ, очень не высоко. Самый, кажется, благосклонный къ Тертуліану *De-Faye* (p. 81) находитъ, что сочиненіе Тертуліана только воспроизводитъ сообщеніе Иринея; самое большее находятъ у него здѣсь или тамъ отдѣльныя какія то новыя черты. Въ общемъ онъ полезенъ для провѣрки текста Иринея и проясненія перевода его. *Preuschen* (у *Hauck'a* XX, S. 397) очень подозрительно относится къ сообщеніямъ Тертуліана и говоритъ, что Гарвакъ (Χρησολ. II, 1. 178.. 292) дѣлаетъ много ему чести, когда исправляетъ его совершенно нелѣпное извѣстіе, что Валентинъ (съ Маркіономъ) были въ общеніи съ церковью *de Eleutheria* (?), такъ говоримъ исправляетъ *Eleutheri* на *Telephori*; просто Тертуліанъ путалъ по названію римскихъ епи-

(сс. I—XXXIX), *Епифаний* (Ерес. XXXI, 1—38) и *Θεοδορίτῃς* (*Compendium haeret. fabularum*, L. I. 7, S. 9. 12 и др.) чрезвычайно тѣсно примыкають къ Иринею. Такъ, напр. Епифаній выписываетъ его по страницамъ, съ 9 гл. по 34. Пѣкоторую самостоятельность Епифаній обнаруживаетъ въ отдѣлѣ гл. 5—7, въ загадочныхъ арамейскихъ именахъ эоновъ¹⁾. Главы 2—4 составлены на основаніи Иринея, личныхъ свидѣній самого Епифанія во время путешествія его по Египту (сл. 2 гл.) и другихъ источниковъ, въ числѣ которыхъ Епифаній упоминаетъ между прочимъ сочиненія Климента и Инноцита (сл. гл. 35). Сочиненіями какихъ валентиніанъ пользовался Епифаній,—о чемъ онъ заявляетъ въ самомъ концѣ 6 гл.—вопросъ томный; во всякомъ случаѣ уже не сочиненіями самого Валентина²⁾, даже, быть можетъ, не его учениковъ³⁾.—По другой сторонѣ располагается рядъ ересологовъ—Климентъ Александрійскій, Инноцитъ, P. S. Tertullianus, Филастрий и Оригенъ. О Климентѣ Ал. мы уже говорили—это важнѣйшій для насъ источникъ, ибо онъ содержитъ фрагменты изъ собственныхъ сочиненій Валентина; кромѣ того у него есть „Извлеченія изъ сочиненій Θεοδοτῃς и такъ называемаго восточнаго ученія времени Валентина“⁴⁾. О названномъ Θεοδοτῃς упоминаетъ еще голословно Θεοδορίτῃς⁵⁾, а болѣе не содержится о немъ никакихъ указаній

скоповъ. Ср. *Amelincau*, *Annales*, p. 189, *Lipsius*, *A Dictionary*. Smith. V. IV, p. 1086. Кромѣ Иринея Тертуліанъ называетъ другіе источники с. V, но читаль ли онъ ихъ? ставить вопросъ Гарнакъ. *Gesch.* I, 176.

¹⁾ См. подробности у *Lipsius'a*—*Zur Quellenkritik des Epiphanius*. S. 155... и *Heinrici*. *Die Valent. Gnosis*. S. 16...

²⁾ Ср. *Harnack*. *Geschichte* I, 1, S. 178.

³⁾ *De-Faye*, *Gnostiques*, p. 44.

⁴⁾ „Ἐκ τῶν Θεοδοτῃς καὶ τῆς ἀνατολικῆς, καλοῦμένης κατὰ τοὺς Οὐαλεντινοῦ χρόνους ἐπιστολῆς“. 1—86. Мы имѣемъ подъ руками изданіе Прусской Академіи Наукъ, въ приложеніи къ III т. сочиненій Климента Алекс., р. 105—133. Проф. А. И. Сагарда первые 26 главъ этихъ извлеченій перевелъ на рус. языкъ (*Христ.* Чтеніе. 1912, XI (ноябрь), стр. 1289—1302.

⁵⁾ *Haer. fab. comp.* I, 8.

въ ересеологической письменности; къ нему мы еще вернемся. „Выписки изъ Θεοδοτα“ не представляютъ собой схемы „восточнаго ученія“ валентиніанства, а мало связанная между собою выдержки и не ученика-послѣдователя валентиніанъ, а человека, заявлявшагося гностицизмомъ, изучавшаго его ¹⁾, но далеко несогласовавшаго съ его основными положеніями, какъ это видно изъ критическихъ противоположеній выписанному чрезъ ἡμεῖς δε ²⁾.— Эти „извлечения“ имѣютъ, разумѣется, большое значеніе для изображенія ученія известной группы валентиніанъ ³⁾. Съ упоминаніемъ у Климента о „восточномъ ученіи времени Валентина“ вполне согласуется показаніе Ипполита II ⁴⁾, который свидѣтельствуетъ ⁵⁾ о валентиніанахъ: „Отсюда (по вопросу о происхожденіи Иисуса) произошло раздѣленіе ученія ихъ, и одно ученіе называется у нихъ анатолійскимъ (восточнымъ); другое италійскимъ. Послѣдователи италійскаго, къ которымъ принадлежали Гераклеонъ и Птоломей, говорятъ, что дѣло Иисуса было историческимъ... Послѣдователи же восточнаго утверждаютъ,—изъ нихъ известны Аксіоникъ и Ардесакъ,—что дѣло Спасителя было пневматическимъ“. Въ противоположность Иринею ⁶⁾, Ипполитъ заявляетъ ⁷⁾, что онъ будетъ излагать именно ученіе Валентина, Гераклеона, Птолемея и ихъ школы ⁸⁾; согласно

¹⁾ Ср. *Heinrici*. Die Valen. Gnosis. S. 88, 89.

²⁾ Напр. ἡμεῖς δε—с. VIII (р. 108); ἐμοὶ δὲ δοκεῖ—с. XVII (р. 112).

³⁾ Ср. *Harnack*. Geschichte. I, 1. S. 181.

⁴⁾ Refutatio. VI, 29—37.

⁵⁾ Refutatio, VI, 35; Duncker, p. 286.

⁶⁾ Противъ Ересей. Кн. I. Введеніе, гл. 2.

⁷⁾ Refutatio, VI, 29: „Ὁρθόδοξοῦ τῶνον καὶ Ἰρακλεῶν καὶ Πτολεμαίου καὶ πάντῃ ἢ τούτων σχολῇ, αἱ Πουλαγόρου καὶ Πλάτωνος μαθηταί, ἀκολουθήσαντες τοῖς καθ'ἡγήσαντοισι, ἀριθμητικὴν τὴν διδασκαλίαν τὴν σωτῶν κατεβίβοντο“.

⁸⁾ Для насъ рѣшительно непонятно, какимъ образомъ Амелияо (*Annales* p. 191) изъ этихъ словъ Ипполита хочетъ вывести „утвержденіе противоположности (confirmation de l'opposition), которая существуетъ между двумя школами“, т. е. италійской, съ ея представителями

своему обыкновенію, онъ поставляетъ ученіе Валентина въ зависимость отъ греческихъ философовъ, говоря, что они (Валентинъ и др.) „Пифагора и Платона ученики, послѣдую за своими вождями, положили въ основу арифметическое ученіе, какъ свое собственное“. Сообщенія Ипполита, близко соприкасаясь съ данными Иринея о валентиніанахъ въ VII, 35, 36, въ остальномъ значительно уклоняются отъ нихъ. Если Иринея много говоритъ о Софіи, Ахамоеѣ, Деміургѣ, о спасеніи и т. д.; то Ипполитъ, конечно, не забываетъ объ этихъ предметахъ, но больше удѣляетъ вниманія или выдвигаетъ на передній планъ ученіе о Богѣ и хринологію, какъ предметъ спора (гл. XXIX, XXXV); ученіе о единствѣ перваго принципа ставится во главѣ системы. Новѣйшіе изслѣдователи придаютъ весьма большое значеніе *Refutatio* Ипполита, какъ источнику для изображенія именно ученія самого Валентина. Де-Файе ¹⁾ говоритъ: фрагменты Валентина „не поучаютъ насъ, какова была спекуляція Валентина. Это—Ипполитъ, отъ котораго мы узнаемъ о ней“. Это сужденіе нужно признать значительно преувеличеннымъ. Прейшенъ ²⁾ находитъ большое согласіе между „извлеченіями“ изъ Θεодота (гл. 29—42) у Климента Ал. и системою, изложенною у Ипполита; въ этомъ разумѣется—вѣрный залогъ приближенія Ипполита къ подлинной системѣ валентиніанства, но восточной; между тѣмъ Липсій ³⁾ находитъ, что „доктринальная система, воспроизведенная у псевдо-Оригена (Липсій не считаетъ вложенія доказаннымъ, чтобы авторомъ *Refutatio* былъ Ипполитъ),—въ общемъ чрезвычайно родственна Птоломеевой

Гераклеономъ и Птоломеемъ, и восточной, къ которой будто бы очень близко стоялъ самъ Валентинъ. Такова—хочетъ увѣрить Амелино—мысль Ипполита, хотя и неумѣло имъ выражена.

¹⁾ *De-Faye. Gnostiques*, p. 93.

²⁾ *У Hauck'a. B. XX. S. 404*

³⁾ *Smith. Dictionary. V. II. p. 1085.*

системѣ, какъ она представлена у Иринея¹⁾. Значить, по Липсию, въ *Refutatio* мы имѣемъ систему валентинианства западной или италійской школы.---Свѣдѣнія о валентинианахъ у псевдо-Тертуллиана (с. XII..) и у Филастрия (с. XXXVIII), въ виду близкаго родства между собою, должны быть возводимы къ общему источнику, по всей вѣроятности, синтагмѣ Ипполита; особаго значенія, при воспроизведеніи системы валентинианъ, они не имѣютъ.---Оригенъ въ своихъ сочиненіяхъ часто цитируетъ Валентина и валентинианъ и еще чаще, по видимому, полемизируетъ съ ними, не называя ихъ по имени¹⁾. Такъ, напр., въ своемъ комментарий на ев. Іоанна Оригенъ внимательно отнесся, вѣроятно, также къ комментарий валентинианина Гераклеона.

Главный и общій недостатокъ названныхъ ересеологовъ заключается въ томъ, что они въ своихъ сочиненіяхъ не разграничиваютъ ученія Валентина отъ его школы, между тѣмъ сами же жалуются на страшное разнообразіе мнѣній среди его послѣдователей. Мы уже приводили выше заявленіе Иринея²⁾, что между валентинианами нельзя встрѣтить и двухъ-трехъ согласныхъ между собою. О томъ же свидѣлствуетъ и Тертуллианъ, говоря: „Итакъ, нигдѣ уже нѣтъ Валентина, хотя и есть валентиниане, которые происходятъ отъ Валентина. Одинъ только Аксионикъ Антиохійскій доселѣ вдохновляется чтить его память неизрежденнымъ храненіемъ“ (т. е. его ученія³⁾). Впрочемъ, за указанный недостатокъ едва ли ересеологи отвѣтственны: они и сами не имѣли возможности—по крайней мѣрѣ многіе—добыть сочиненій Валентина, какъ—думаемъ—это слѣдуетъ изъ предисловія Иринея. Климентъ Ал. и Ипполитъ

1) См. подробности у *Harnack's*, *Geschichte*, I, 1, S. 181--182.

2) Противъ ерес. I, II, 1. См. выше 1.

3) *Adv. Valentinianos*, с. IV. „Ita nusquam jam Valentinus et tamen Valentiniani, qui per Valentinum. Solus ad hodiernum Antiochiae Axioticus memoriam Valentini interga custodia regularum ejus consolatur“.

несомнѣнно, имѣли подъ руками рукописи Валентина, какъ это видно по подлиннымъ извлеченіямъ у нихъ изъ Валентина. Но Климентъ Алекс., по плану своей работы, не считалъ нужнымъ представлять полную систему Валентина по его сочиненіямъ; а Ипполитъ задался извѣстной тенденціей сдѣлать всѣхъ гностиковъ послѣдователями греческихъ философовъ—и съ неумолимою строгостью доказываетъ это на каждомъ отдѣльномъ гностикѣ. Впрочемъ, очень возможно и то, что Ипполитъ, зная псалмы Валентина, изъ которыхъ, какъ извѣстно, онъ дѣлаетъ извлеченіе, не имѣлъ случая познакомиться съ другими сочиненіями его.—Поэтому для знакомства собственно съ ученіемъ самого Валентина мы имѣемъ только одни фрагменты, т. е. 6 фрагментовъ у Климента Ал.¹⁾ и одинъ у Ипполита²⁾. Правда, Ириней въ 1-й кн., XI гл. излагаетъ, по его словамъ, ученіе именно Валентина. Однако, несомнѣнно, какъ замѣчено, Ириней не зналъ сочиненій самого Валентина, и отдѣлы I, II, 1 онъ излагаетъ по какому-либо ересеологическому сочиненію, по всей вѣроятности по синтагмѣ Густипа³⁾. Подлинный характеръ ученія Валентина здѣсь заподозривается. „По крайней мѣрѣ, замѣчаетъ Прейшенъ⁴⁾, то, что мы имѣемъ здѣсь, какъ валентинову систему, въ важнѣйшихъ пунктахъ не согласуется съ подлинными выраженіями Валентина“⁴⁾. Что касается ученія Валентина, изложеннаго у Ипполита II, то, несмотря на все расположеніе къ нему повѣрливыхъ изслѣдователей (особ. De-Faye), трудно выдавать его за подлинное ученіе Валентина. Самъ Ипполитъ

¹⁾ Строматы: 1) IV, 13, 89; 2) IV, 13, 89—90; 3) VI, 6, 52; 4) II, 8, 36; 5) II, 20, 114; 6) III, 7, 59.

²⁾ Refutatio, VI, 37.

³⁾ Lipsius. Zur Quellenkritik des Epiphanius. 159.—Die Quellen. S. 36.. 60. Smith. A Dictionary. V, IV, p. 1080. Heintz, Die Val. Gnosis. S. 40. Mead. Fragments of a faith forgotten, p. 308. Hilgenfeld. Die Ketzergeschichte. SS. 53—55.

⁴⁾ У Hauck'a. XX, S. 402.

не полагаетъ различія между Валентиномъ и его послѣдователями Гераклеономъ и Птолемеемъ¹⁾, а это—признакъ тревожный: значить, онъ не вникъ внимательно въ системы учителя и его послѣдователей.

Впервые свѣдѣнія о роднѣ Валентина и образованіи его мы встрѣчаемъ у ересеолога IV в. Епифанія²⁾. Онъ передаетъ, какъ дошедшую до него „по слуху молву“ (ὡς ἐν ἀκρόασι τι... φήρη), что Валентинъ „родился въ приморской странѣ Египета, Фревопитѣ³⁾, а въ Александріи получилъ эллинское образованіе“. Это извѣстіе считается весьма вѣроятнымъ⁴⁾. Епифаній дѣйствительно могъ получить подобныя свѣдѣнія во время своего путешествія по Египту⁵⁾. Потомъ и вся „система Валентина можетъ быть понята только на почвѣ египетско-эллинскаго синкретизма“⁶⁾. Въ Египтѣ, въ Александріи Валентинъ, по всей вѣроятности, слушалъ и Василида, на что указываетъ слишкомъ близкое сходство нѣкоторыхъ пунктовъ въ ученіи Валентина съ Василидовымъ⁷⁾. Самъ же Валентинъ считалъ себя, по

¹⁾ См. *Refutatio*. VI, 29.

²⁾ *Haeres.* XXXI, 2: Ἐφραὶν γὰρ αὐτὸν τινες γενεῖσθαι Φρεβωνίτην τῆς Αἰγύπτου παραλιώτην, ἐν Ἀλεξάνδρῳ δὲ πεπαιδευθῆναι τὴν τῶν Ἑλλήνων παιδείαν.

³⁾ *Амелино* замѣчаетъ (*Annales*, p. 168): „имя Phrebonite не существуетъ въ спискѣ египетскихъ именъ. Можетъ быть мы должны жаловаться только на небрежность кописта и читать Phénotite вм. Phrebonite“. Ср. *Hilgenfeld: Zeitschrift für wissensch. Theologie*. 1880, Heft. III, S. 280, *анн.* 2.

⁴⁾ Только одинъ проф. *Болотовъ* (Лекціи, т. II, стр. 209) обращаетъ вниманіе на то, что „нѣкоторыя имена въ его системѣ... указываютъ на его семитическое происхожденіе“.

⁵⁾ Ср. *Amelineau. Annales*, p. 168. *Preuschen*, у *Hauck'a*. В. XX. S. 398.

⁶⁾ *Preuschen*, у *Hauck'a*. XX. S. 398.

⁷⁾ Такъ, при самомъ незначительномъ числѣ сохранившихся отъ Валентина фрагментовъ, одинъ изъ нихъ (Строматы II, 20, 114), о ничтожномъ сердцѣ человѣческомъ, какъ жилищѣ демоновъ, совпадаетъ не только по точному смыслу, но и по выраженіямъ съ подобнымъ же ученіемъ Василида (Стром. II, 20, 112—113), и самъ Климентъ Алекс. отмѣчаетъ это (ср. II, 8, 36). Ср. *Епифаній*. Ерес. XXXI, 2. Ср. *Amelineau, Annales*. 169, 176—177. См. выше, стр. 368.

Клименту Алекс. (Стром. VII, 17), ученикомъ Θεωды, известнаго (ὑπότροφος—личный ученикъ) ап. Павлу.—Подобныя претензїи для Валентина, принадлежавшаго ужь ко 2-му поколѣнію гностиковъ, кажутся невѣроятными. Отсюда попытки истолковать указанное свидѣтельство Климента Алекс. въ прїемномомъ смыслѣ. Такъ, неизвѣстный намъ авторъ *Ussher* ¹⁾ и Цанъ ²⁾ считаютъ имя Θεοδα у Климента за одно имя съ Θεοδοτῶν, котораго онъ относитъ къ восточной школѣ валентиніанства и выиски изъ котораго онъ предлагаетъ. Гарнакъ подвергаетъ этотъ взглядъ рѣшительной критикѣ ³⁾. Дѣйствительно, прочитавъ основаній для него, по-видимому, нѣтъ. Однако, скажемъ съ Мидомъ (—р. 293), нѣтъ ничего такого, чтобы дѣламо подобный взглядъ нѣвѣроятнымъ, „но благодаря его ясности мы выиграли бы въ нѣкоторыхъ важныхъ пунктахъ“. Сначала, по Епифанію ⁴⁾, Валентинъ проповѣдывалъ въ Египтѣ, а затѣмъ въ Римѣ и на о. Кипрѣ, гдѣ будто бы „потерпѣвъ кораблекрушеніе (κατάστροφον), отвалъ отъ вѣры и извратился умомъ (τῆς πίστεως ἐξέστη καὶ τὸν νοῦν ἐξέστραπην)“. Относительно пребыванія Валентина на Кипрѣ упоминаетъ еще Филастріи ⁵⁾, но относитъ

¹⁾ См. у Мида *Fragments*, p. 294.

²⁾ *Forschungen zur Geschichte d. neutest. Kanons*. Th. III S. 125—126: „что Θεοδα; или чаще Θεοδα; можетъ быть сокращеніемъ им. Θεοδοτος; какъ и Θεοδοτος—никто не сомнѣвается“.

³⁾ *Geschichte der altchr. Litteratur*. II, 1 *Chronologie*. S. 294—295.

⁴⁾ *Епифаній*. *Ерес.* XXXI, 7.

⁵⁾ *De Haeresibus*, c. XXXVIII: „Et in primis quidem fuit in ecclesia. Elatior autem factus postmodum errore non parvo deceptus est, degensque in Cypri provincia coepit hoc definire“... *Oehler*, издавшій текстъ Филастріи (*Corpus haeresiologic.* T. 1), понимаетъ „in primis“ въ отношеніи ко всему времени пребыванія Валентина въ Египтѣ и Римѣ; а „elator—factus“ относитъ къ обстоятельству, рассказанному Тертуллианомъ (Противъ Вал. гл. 4), стремленію Валентина занять рим. кафедру (р. 44). Это сужденіе Элера, конечно, заслуживаетъ вниманія. Въдѣ Филастріи вовсе не говорить ясно, что Валентинъ предъ посѣщеніемъ Рима былъ на Кипрѣ; о Римѣ онъ даже не упоминаетъ, а потому какія основанія имѣлъ Филастріи расходиться съ Епифаніемъ? Въдѣ онъ, по всей вѣроятности, заимствуетъ у него о посѣщеніи Валентиномъ Кипра!

его, по-видимому, ко времени раньше посѣщенія Рима. Липсіей ¹⁾, Цанъ ²⁾ и, нерѣшительно, Гильгенфельдъ ³⁾ считаютъ болѣе вѣроятнымъ сообщеніе Филастрія и возводятъ его на синтагму Ипполита I, хотя чрезвычайно близкій къ нему псевдо-Тертуліанъ не упоминаетъ объ этомъ и единымъ словомъ. Гарнакъ ⁴⁾ и Прейшенъ ⁵⁾ склонны, кажется, считать самое пребываніе Валентина на Кипрѣ сомнительнымъ, во всякомъ случаѣ спорнымъ, такъ какъ о немъ свидѣтельствуешь въ сущности лишь одинъ ересеологъ IV в. Епифаній (а Филастрія, вѣроятно, заимствовалъ у него). Однако—замѣтимъ отъ себя—и Епифаній долженъ быть признанъ свидѣтелемъ надежнымъ для даннаго случая, ибо онъ съ 367 г. до самой смерти (403 г.) состоялъ епископомъ на о. Кипрѣ.—Конечно, трудно согласовать сообщеніе Епифанія (и Филастрія) о пребываніи Валентина на о. Кипрѣ, по оставленіи имъ Рима, и разрывъ его съ церковью именно на Кипрѣ—съ свидѣтельствами другихъ ересеологовъ и съ фактами, твердо установленными. Такъ, Тертуліанъ ⁶⁾ положительно свидѣтельствуешь, что именно въ Римѣ Валентинъ „отрекся отъ подлиннаго исповѣданія церкви (De Ecclesiae authentica regula erupit), т. е. порвалъ съ церковью ⁷⁾. Затѣмъ о валентиніанахъ (οἱ ἐκ Οὐαλεντινιανῶν, а не просто о Валентинѣ), какъ еретьякахъ, упоминаешь еще Іустинъ мученикъ въ своемъ сочиненіи „Разговоръ съ Трифономъ іудеемъ“, гл. 35. Между тѣмъ это сочиненіе

¹⁾ *Lipsius*. Die Quellen, S. 157... A Dictionary. Smith. V. IV. 1077, 1078.

²⁾ *Th. Zahn*. Geschichte d. neutest. Kanons. B. I. S. 455.

³⁾ *Hilgenfeld*. Die Ketzergeschichte. SS. 286—287. Равнѣ болѣе рѣшительно. См. Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie, 1880, II. III. S. 283.

⁴⁾ Die Chronologie. B. I. S. 292, anm. 2.

⁵⁾ *Preuschen*. У Nauck'a. B. XX. S. 397.

⁶⁾ Противъ валентиніанъ гл. 4.

⁷⁾ Правда, въ другомъ мѣстѣ (De praescriptionibus, с. XXX) Тертуліанъ говоритъ иное, что Валентинъ былъ въ общеніи съ церковью

явилось въ *пятидесятыхъ годахъ* II в. ¹⁾ Потомъ Климентъ Алекс. причисляетъ Валентина къ еретикамъ не позже царствования Антонина Старшаго, умершаго въ 161 г. Между тѣмъ по ясному свидѣтельству Иринея ²⁾: „Валентинъ прибылъ въ Римъ при Гигинѣ, процвѣталъ во времена Пія и оставался до Аникиты“, т. е. до 165—166 г. г. Въ виду сказаннаго считаемъ твердо установленнымъ, что Валентинъ порвалъ съ церковью еще въ бытность свою въ Римѣ. Если вмѣстѣ съ тѣмъ признать заслуживающимъ довѣрія и сообщеніе Епифанія о посѣщеніи Валентиномъ о. Кипра и о разрывѣ его (и) съ тамошней церковью, то послѣднее возможно только при томъ предположеніи, что Валентинъ, отлученный отъ церкви въ одномъ мѣстѣ, искалъ съ нею общенія въ другомъ, какъ это было, напр., съ Маркіономъ; притомъ, если объ отлученіи Маркіона римскіе представители были освѣдомлены (быть можетъ, какъ о лицѣ, принадлежавшемъ къ клиру), то объ отлученіи Валентина въ одномъ мѣстѣ могли и не знать въ другомъ ³⁾.—Тертуліанъ

до Елевверія, т. е. до 174—189 гг. Однако явно, это мѣсто ошибочно и, какъ уже замѣчено выше, *Гарнакъ* (D. Chronologie. II, 1. 178. 292) исправляетъ Eleuteros на Telesphorus, а *Лунсіи* (Dictionary. Smith. V. IV, p. 1078) признаетъ здѣсь смѣшеніе Елевферія съ Гигиномъ или Шемт.

¹⁾ *Bardenhewer*. Geschichte der altkirch. Litteratur. B. I. 218. *A. Гилленфельдъ* (Die Ketzergeschichte. SS. 285. 290) считаетъ несомнѣвымъ, что о Валентинѣ была рѣчь и въ синтагмѣ Іустина противъ всѣхъ ересей, написанной ранѣе 1-й апологіи его (ср. конецъ XXVI гл.), приблизительно около 147 г. Такого же взгляда держится и *Гарнакъ*. По его представленію Егезиппъ пользовался синтагмою Іустина. Между тѣмъ Егезиппъ упоминаетъ о валентиніанахъ (Ivс. Цер. Ист. IV, 22), значить, онъ заимствовалъ ихъ у Іустина (Quellenkr. S. 37... Chron. II, S. 295).

²⁾ Adv. haeres. III, 4. 3: Οβαλεντίνος μὲν γὰρ ἦλθεν εἰς Ῥώμην ἐπὶ Ἰγίνου, ἤχρασεν δὲ ἐπὶ Πίου καὶ παρέμεινεν ἕως Ἀνικήτου“.

³⁾ Англ. изслѣдователь *Мидъ* подходит къ этому сообщенію съ другой стороны. Онъ ставитъ вопросъ, на который предполагается отриц. отвѣтъ: „Имѣлъ ли Римъ право въ то раннее время говорить во имя католич. церкви? Философ. Александрія признавала ли господство иерархическаго *Православнаго Киевскаго Духовнаго Академіи* и *Семинаріи*,
<http://kdais.kiev.ua>

указываетъ мотивъ къ разрыву Валентина именно съ римскою церковью. „Валентинъ, говоритъ онъ, имѣлъ въ виду епископство, потому что былъ даровитъ и краснорѣчивъ. Неудостоенный кафедрой (соб. loci) благодаря другому, болѣе сильному ради мученичества, порвалъ съ церковью истиннаго исповѣданія“¹⁾. Нѣкоторые изслѣдователи недовѣрчиво относятся къ этому сообщенію Тертуліана. Трудно, говорятъ²⁾, повѣрить, чтобы оскорбленіе личнаго самолюбія было причиною ереси. А главное-то, римская церковь имѣла во II в. только одного неповѣдника—Телесфора, предшественника Гигина, при которомъ, по Иринею, Валентинъ только пришелъ въ Римъ³⁾. Весь этотъ рассказъ Тертуліана о причинѣ отщепенія Валентина отъ церкви считается „злонамѣреннымъ изобрѣтеніемъ“⁴⁾.—Однако, кажется, нѣтъ серьезныхъ основаній всецѣло отвергать сообщеніе Тертуліана о стремленіи Валентина занять римскую кафедру. Разсуждая вообще, кандидатура Валентина на кафедру епископа (по всей вѣроятности римскаго, хотя у Тертуліана не указано—какого) не можетъ и не могла казаться странной или невѣроятной⁵⁾. Самъ Тертуліанъ признаетъ его личныя достоинства—познанія и краснорѣчіе; а съ этической точки зрѣнія его не упречаетъ даже Епифаній. Главная трудность принять сообщеніе Тертуліана заключается въ его свидѣтельствѣ, что Валентину былъ предпочтенъ *alius ex martyrii praerogativa*. Современные Валентину римскіе

¹⁾ *Tertullianus, Adver. Val. c. 4*: „Speraverat episcopatum Valentinus, quia et ingenio poterat et eloquio. Sed alium ex martyrii praerogativa loci potitum indignatus, de Ecclesia authenticae regulae abruptus“.

²⁾ Напр. *Amelineau, Annales, XIV, p. 178*.

³⁾ *Preuschen, У Паук'а. В. XX. S. 396. Amelineau, Annales, p. 178*.

⁴⁾ *Lipsius, A Dictionary. Smith. V. IV, p. 1077*: „a malicious invention“.

⁵⁾ Справедливо *Гилленфельдъ* (*Die Ketzergeschichte, S. 286*) указываетъ на то, что на римской кафедрѣ сидѣли „патрипассіанецъ Каллистъ, затѣмъ аріанинъ Феликсъ, а еще позже Гонорій, первовинникъ моноелитства“.

енископы—Гигинъ, Пій и Аникита—не считаются мучениками. Но Гильгенфельдъ ¹⁾ высказываетъ очень вѣроятное предположеніе, что Пій, котораго, разумѣется, всего естественно считать счастливымъ соперникомъ Валентина, могъ стать исповѣдникомъ при мученической кончинѣ Телесфора. Правда, ни къ Гигину, ни къ Пію наименование „исповѣдника“ не прилагается; но съ другой стороны въ „Liber pontificalis“ почти каждый римскій епископъ считается мученикомъ ²⁾. Считая весьма вѣроятною кандидатуру Валентина на римскую кафедру, мы рѣшительно отвергаемъ чтобы неполученіе имъ кафедры было причиною отпаденія его отъ церкви и созданія имъ ереси.—Куда исчезаетъ изъ Рима Валентинъ послѣ папства Аникиты ³⁾, свѣдѣній не сохранилось, кромѣ выше приведеннаго сообщенія Епифанія. Мидъ ⁴⁾ предпологаетъ, что онъ возвратился въ Александрію и тамъ въ тиши обрабатывалъ свои сочиненія. Однако при такомъ предположеніи остается не выясненнымъ, когда же Валентинъ развѣтъ на западъ и востокъ пропаганду своего ученія и приобрѣлъ себѣ тамъ и здѣсь многочисленныхъ учениковъ и послѣдователей. Годъ смерти Валентина остается неизвѣстнымъ. Нѣкоторые относятъ его къ 160—161 году ⁵⁾. Однако это предположеніе, думается, противорѣчитъ свидѣтельству Иринея о Валентинѣ: „παρρησια εως 'Ανικήτου“, т. е. до 165—166 г. г., каковыя слова вовсе не значатъ, что Валентинъ умеръ при Аникитѣ, а лишь—оставался въ Римѣ. И свидѣтельство Климента Ал. ⁶⁾, что

¹⁾ Zeitschrift für wissen. Theologic. 1880. III, S. 283.—Die Ketzergeschichte. S. 286.

²⁾ Lipsius. A Dictionary. Smith. V. IV, p. 1077.

³⁾ По Иринею, Валентинъ пребывалъ въ Римѣ до Аникиты—παρρησια εως 'Ανικήτου—III, 4, 3.

⁴⁾ Mead. Fragments, p. 297—298.

⁵⁾ Напр. Гильгенфельдъ. Zeitschrift für wis. Theol. 1880, III, S. 284.—Проф. В. В. Колотовъ. Лекція по исторіи древн. Церкви, т. II, стр. 209.

⁶⁾ Стрелитъ. VII, 17.

Валентинъ, какъ и другіе гностики, есть еретикъ времени Адріана и Антолина, думаемъ, не препятствуетъ относить смерть Валентина, напр., къ концу 60-хъ годовъ II в. ¹⁾— Какъ ни важно было бы опредѣлить болѣе или менѣе хронологически точно время жизни и дѣятельности Валентина, этого славнѣйшаго гностика, тѣмъ не менѣе, какъ мы видѣли выше, сдѣлать эта невозможно. Суммируя ранѣе сказанное по этому вопросу, мы получаемъ слѣдующее. Валентинъ родился, говоря чисто предположительно, въ началѣ II в. на сѣверномъ берегу Африки, въ Египтѣ. Въ концѣ царствованія Адріана, т. е. съ 30-хъ годовъ II в. онъ выступилъ въ Египтѣ какъ самостоятельный учитель, ибо Климентъ Ал. ²⁾ причисляетъ его къ еретикамъ времени импе. Адріана и Антолина, хотя и считаетъ его моложе Марціона. Слѣд., свою систему Валентинъ составилъ еще въ Египтѣ, въ Александріи, до прибытія въ Римъ, хотя въ первое время онъ, вѣроятно, стоялъ ближе къ ученію церкви, чѣмъ потомъ, и могъ не считать себя отступникомъ отъ церкви, ибо послѣднія тогда еще не имѣли ни опредѣленныхъ учительныхъ формулъ, ни твердо сложившейся практики. Въ Египтѣ, нужно думать, Валентинъ имѣлъ успѣхъ и, польщенный этимъ, отправился въ столицу тогдашняго міра—въ Римъ. О времени его прибытія въ Римъ, какъ мы знаемъ, ясно говоритъ Приней ³⁾, что онъ прибылъ при Гигинѣ, т. е. приблизительно въ 140 г., о томъ же упоминаетъ два раза Евсевій ⁴⁾ въ своей хроникѣ.

¹⁾ Ср. *Amelincan. Annales.* p. 176.

²⁾ *Stromata.* VII, 17, 106: *ἄξιον δὲ περὶ τοὺς Ἀδριανῶν τοῦ βασιλέως χρόνους οἱ τὰς αἰρέσεις, ἐπινοήσαντες γράψουσι, καὶ μέχρι γε τῆς Ἀντωνίνου τοῦ προφωτέρου διατείναν ἡλικίας... ὡσαύτως δὲ καὶ Οὐδελαντίνον Θεοῦ διακηροῦναι φέρουσαι γῶνμος δ' αὐτοῦ γέγονε Παύλου.*

³⁾ III, 4, 3: *Οὐδελαντίνος μὲν γὰρ ἦλθεν εἰς Ῥώμην ἐπὶ Ὑγίνου.*

⁴⁾ „Sub Hygeni Romanorum episcopatu Valentinus haeresiarcha, et Cerdon Marcionitarum haeresis auctor Romam pervenerunt“.—Valentinus hic temporibus erat et permansit, venit usque ad Anicetum“.

Что Валентинъ прибылъ въ Римъ, еще не бывши формально отлученъ отъ церкви, это подтверждаютъ и Тертуллианъ ¹⁾ и Елифаній ²⁾. Но вскорѣ же послѣдовалъ разрывъ Валентина съ церковью. Ибо къ 146—7 г. г., когда писалъ св. Иустинъ свою синтагму противъ ересей, существовалъ не только еретикъ Валентинъ, но и οὐ Ὁυαλεντίνου ³⁾. Согласно показанію св. Иринея, въ Римѣ пробылъ Валентинъ дѣтъ 20—25, со времени Гигина до Аппикты. Удалившись изъ Рима въ началѣ 60-хъ годовъ, Валентинъ направился на востокъ, посѣтить—нужно вѣрить Елифанію,—островъ Кипръ, а быть можетъ и М. Азію, гдѣ въ числѣ другихъ учениковъ приобрѣлъ себѣ самого вѣрнаго ученика, по Тертуллиану, Аксіоника и Марка, въ послѣдствіи перекочевавшаго въ Галлію. Умеръ Валентинъ въ концѣ 60-хъ годовъ, гдѣ—неизвѣстно.

Для знакомства съ подлиннымъ ученіемъ Валентина мы имѣемъ только, какъ уже сказано выше, нѣсколько фрагментовъ. Изъ нихъ, разумѣется, полной системы составить невозможно, но ясно видно, что они происходятъ отъ чело-вѣка, образованнаго въ духѣ пифагорейской и платоновской философіи. Прежде всего основа ученія Валентина была, кажется, чисто мистическая. По словамъ Ипполита ⁴⁾, „Вален-

¹⁾ De praescriptionibus. с. XXX, ср. Adver. Val. с. IV.

²⁾ Ср. XXXI, 7.

³⁾ Что Иустинъ въ своей „синтагмѣ противъ всѣхъ ересей“ (гл. 26 гл.) непременно долженъ былъ полемизировать и противъ валентианъ—это ясно слѣдуетъ изъ такихъ соображеній. Тертуллианъ (Adv. Valent. с. 5) въ числѣ полемистовъ противъ валентианъ называетъ и Иустина. Между тѣмъ въ сохранившихся сочиненіяхъ Иустинъ нигдѣ не касается валентианъ и только въ разговорѣ съ Трифономъ упоминаетъ о нихъ (гл. 35). Значитъ, въ синтагмѣ имъ было отведено мѣсто. Потому Егезиппъ (см. Цер. ист. Евсевіи—IV, 22) въ своемъ сочиненіи Ὑπομνήματα опровергалъ валентианъ, а между тѣмъ онъ занималъ свѣдѣнія объ еретикахъ у Иустина (см. Nagelsack, Zur Quellenkritik. S. 36).

⁴⁾ Refutatio, VI, 42: „Καὶ γὰρ Ὁυαλεντίνος φέσκει ἑαυτὸν εἰσακάνει παῖδα γήπρον ἀρτιγέννητον, οὐ πωθόμενος ἐπιζητεῖ τίς ἂν εἴη, ὁ δὲ ἀπεκρίνατο λέγων ἑαυτὸν εἶναι τὸν λόγον ἔπειτα προῖθαι τραχὺν τινα μῦθον ἐκ τούτου σμικτὸν βροβόλατι τὴν ἐπιχειρημένην αὐτῷ αἰρᾶσιν“. Duncker, p. 302.

тивъ утверждать, что онъ самъ видѣлъ новорожденное дитя. Разспрашивая его, онъ задалъ вопросъ—кто онъ, тотъ отвѣтилъ, что онъ Логосъ. Затѣмъ, отнеси къ этому нѣкій трагическій мистъ, онъ хотѣлъ установить, что на этомъ утверждается ересь“. Исследователь гностицизма Лихтенанъ ¹⁾, доказывающій всю важность (мнимаго) откровенія въ ученіи гностиковъ, придаетъ этому свидѣтельству Ипполита о Валентинѣ очень большое значеніе, заявляя: „значитъ, Валентинъ—визіонеръ, и именно видѣніе—источникъ его ереси“.—Изъ сохранившихся фрагментовъ Валентина, начнемъ съ отрывка, извлеченнаго изъ псалма Валентина, сдѣланнаго Ипполитомъ ²⁾, какъ отличающагося болѣе общимъ содержаніемъ. „Въ духѣ, говоритъ Валентинъ, я вижу все зависимымъ отъ ээира, созерцаю въ духѣ все содержимымъ: плоть (созерцаю зависимою) отъ души, душу—отъ воздуха ³⁾, воздухъ—отъ ээира ⁴⁾, плоды ⁵⁾ выносимыми изъ глубины, младенца ⁶⁾—отъ матери“. Эта часть псалма Валентина, какъ видно, имѣетъ свой исходный пунктъ въ „Еυ κχι πᾶν Πλάτονα. Въ одномъ изъ фрагментовъ ⁷⁾ у Климента Ал. ясно выражается взглядъ Валентина на трехчастный составъ (трихотомія) всего существующаго. Валентинъ училъ о ὁ θεός ἀράτος, ἀληθινός, исходящія изъ котораго сизигія (σοζυγία) составляютъ πλήρωματα; съ другой стороны, отъ него же—и образы, не стоящіе въ парахъ (ἀπὸ ἐνός εἰκόνας). На основаніи этихъ образовъ создается міръ феноменовъ, не имѣющій непосредственнаго отношенія къ невидимому богу (ερ. τὸ φανό-

¹⁾ R. Liechtenhan. Die Offenbarung im Gnosticismus. S. 24.

²⁾ Refutatio, VI. 37: „Αἰθέρος (лат. ab aethere) πάντα κρημάμενα πνεύματι βλέπω, πάντα δ' ἀρούμενα, πνεύματι νοσὶ σάρκα μὲν ἐκ ψυχῆς κρημάμενη, ψυχὴν δὲ ἀέρος ἐξουσιμένην, ἀέρα δὲ ἐξ αἰθέρος κρημάμενον, ἐκ δὲ βλαστῶ καρποῦς φερόμενους, ἐκ μήτρας δὲ βρέφους φερόμενον“. Duncker, p. 290.

³⁾ Средній міръ, область паденія эоны.

⁴⁾ Высшій міръ, міръ духовъ, пліромы.

⁵⁾ Вообще эоны, составляющіе плірому.

⁶⁾ Это Νοός.

⁷⁾ Stromata. IV, 13, 89—90. Otto Stählin. Clemens Al. B. II, p. 287—288.

μενον αὐτοῦ οὐκ ἔστιν). Создателемъ міра по образамъ невидимаго бога является деміуръ, называемый (въ писаніи) θεός, πατήρ, εἰκὼν τοῦ ἀληθινοῦ и προφῆτης. О происхожденіи деміурга рассказываетъ кн. Бытія подѣ чувственнымъ образомъ созданія челоѣка. Существомъ, содѣйствующимъ при этомъ деміургу, была Σοφία, называемая „художникомъ“ (ζωγράφος)¹⁾; задача ея состояла въ томъ, чтобы сообщить созданію образъ невидимаго бога во славу его (τὸ πλάσμα ἢ εἰκὼν, εἰς δόξαν τοῦ ἀοράτου). Въ этомъ мірѣ душа занимаетъ посредствующее мѣсто (ἢ ἐκ μεσότητά φύγη): съ одной стороны, она есть дуновение различающаго духа (τὸ ἐμφήσημα τοῦ διαφέροντος πνεύματος), съ другой стороны, она принадлежитъ феноменальному міру. Но это вдохновение различающаго духа или вложеніе подобія его (τὴν ἀμιότητα... τὴν τοῦ διαφέροντος ἐπέμβασιν πνεύματος) произошло невѣдомымъ Деміургу образомъ и осталось неизвѣстнымъ ему (ἄγνωστον τῷ Δημιουργῶ).—Слѣдующій фрагментъ²⁾ изъ одного посланія Валентина проясняетъ мысль о созданіи челоѣка. Изъ него видно, что Валентинъ училъ о происхожденіи челоѣка, подобно другимъ гностикамъ, напр. Саторнилу, Василиду. Ангелы-міроиздатели образовали лишь форму челоѣка изъ глины. Поэтому они были объаты страхомъ, когда ихъ произведеніе начало издавать звуки, благодаря тому, что въ нее было вложено „черезъ невидимаго сѣмя высшей сущности“ (διὰ τὸν ἀοράτου ἐν αὐτῷ σπέρμα θεωκότα τῆς ἀνωθεν οὐσίας). Собственно причина страха кроется не въ простой, внѣшней внезапности явленія и т. эк. не въ физиологическомъ страхѣ, а глубже, чтобы первобытный челоѣкъ, во имя котораго созданъ Адамъ, не возсталъ, не воскресть въ немъ; поэтому „они устрашились и тотчасъ испор-

¹⁾ По ср. Hilgenfeld. Die Ketzergeschichte. S. 300.

²⁾ Strom, II, 8. 36.—Stählin. B. II, p. 132: „καὶ ὡσπερὶ φόβος ἐπ' ἐκείνου τοῦ πλάσματος ὑπῆρξε τοῖς ἀγγέλοις, ὅτε μείζονα ἐφθέγγετο τῆς πλάσεως διὰ τὸν ἀοράτου ἐν αὐτῷ σπέρμα θεωκότα τῆς ἀνωθεν οὐσίας καὶ παρρησιαζόμενον.

тики (свое) дѣло“¹⁾. Въ чемъ состояла эта порча—изъ приведеннаго текста не видно. Но въ одномъ изъ фрагментовъ²⁾ говорится о страшной власти ангеловъ надъ сердцемъ человѣка. „Ибо многіе духи, живущіе въ немъ (т. е. въ сердцѣ), не позволяютъ очищать (его), но каждый изъ нихъ творить свойственныя ему дѣла, постоянно влдѣваясь надъ желаніями, несогласными (съ нимъ)... такимъ образомъ (и) сердце, пока провидѣніе не управляетъ (имъ),—нечисто и является жилищемъ множества духовъ“. Въ этой безсиальной борьбѣ: человекъ съ онутавшими его злыми духами есть у него только одинъ могучій помощникъ, „одинъ есть праведникъ, явленіе котораго послѣдовало чрезъ откровеніе сына, и чрезъ него только одного сердце можетъ стать чистымъ, когда будетъ изгнанъ изъ него всякій злой духъ“. О лицѣ І. Христа есть замѣчаніе еще въ другомъ фрагментѣ, въ письмѣ къ неизвѣстному Агапону³⁾. Здѣсь І. Христосъ выставляется, какъ образецъ необходимаго борца съ искушеніями, примѣръ воздержанія, благодаря чему „Исусъ снискалъ божественность“. Онъ былъ и былъ свойственнымъ ему образомъ, обратно ници не извергая; такова была у него сила воздержанія, что пища въ немъ не портилась, такъ какъ онъ самъ не былъ подверженъ тлѣнію. По ходу мыслей

¹⁾ Strom. II, 8, 36. Stählin, p. 132: „εἰς γὰρ ὄνομα Ἀνθρώπου πλακοῖς Ἀδὰμ φάσαν παρέσχεν πρός τος Ἀνθρώπου ὡς δὴ αὐτοῦ ἐν αὐτῷ καθεστῶτος, καὶ καταπέτρησεν καὶ ταῦτ' τὸ ἔργον ἠφάνισεν“.

²⁾ Strom. II, 20, 114. Stählin, p. 175: „Εἰς δὲ ἐστὶν ἀγαθὸς, ὃ παρῴρσια ἢ διὰ τῶν οὐδῶ φανερῶσι, καὶ διὰ αὐτοῦ λόγου ὄναιτο ἢ ἡ καρδία καθαρά γενέσθαι, παντός πανηροῦ πνεύματος ἐξωσσομένου τῆς καρδίας. πολλὰ γὰρ ἐνοικούντα αὐτῇ πνεύματα οὐκ ἐκ καθαρεύου, ἕλαστον δὲ αὐτῶν τὰ ἴδια ἐκτελεῖ ἔργα πολλὰκις ἐνυβρίζοντων ἐπιθυμίαις, ὃ προσηκούσις. τὸν τρόπον τοῦτον καὶ ἡ καρδία, μετρί μὴ προνοία; τυχεῖται, ἀκαθάρτος (οὐσα), πολλῶν οὐσα διακρίνον οὐκ ἐξήριον“.

³⁾ Strom. III, 7, 59. Stählin, p. 223: „πάντα ὑπομαίνας ἐγκρατῆς ἦν θεότητα Ἰησοῦς εἰργάζετο, ἦσαν καὶ ἔπιεν ὕδως οὐκ ἀποδίδου τὰ βρώματα, τσαούτη ἦν αὐτῷ ἐγκρατείας δόναμις, ὥστε καὶ μὴ φθαρθῆναι τὴν τροφήν ἐν αὐτῷ, ἐπεὶ τὸ φθαρῆσθαι αὐτὸς οὐκ εἶχεν“.

этотъ фрагментъ нѣсколько теменъ. De-Faye понимаетъ его такъ: „Валентинъ разсматриваетъ плоть, какъ нѣчто дурное. Она—сѣдальнице зла. Тѣло это врагъ. Поэтому онъ приписываетъ Иисусу тѣло призрачное; тѣло есть и пьетъ, однако не переваривается, оно не знаетъ физической нужды (или потребностей)“¹⁾. Пониманіе нѣсколько удаленное отъ текста, но, кажется, не нарушающее смысла его. По крайней мѣрѣ съ такимъ пониманіемъ совпадаетъ свидѣтельство псевдо-Тертуліана и Филастрия²⁾, епѣд. Ипполита I, по которому Валентинъ признавалъ лишь спасеніе душъ, а не тѣлъ, т. е. значить отрицалъ воскресеніе тѣла.—Въ одномъ изъ фрагментовъ у Климента Ал.³⁾ мы находимъ указаніе на обычное гностическое дѣленіе людей у валентиніанъ на классы и среди нихъ разрядъ привилегированныхъ, т. е. пневматиковъ. „Вы безсмертны по (самому своему) происхожденію, говоритъ Валентинъ въ одной изъ своихъ бесѣдъ, и являетесь падами жизни вѣчной; вы пожелаеи принять участіе въ смерти, чтобы истощить ее и измѣнить, чтобы въ васъ и чрезъ васъ смерть прекратилась. Когда же освободите міръ, то сами не исчезнете, а будете господствовать надъ созданіемъ и всякимъ тлѣніемъ“. Самъ Климентъ Ал.⁴⁾ видитъ въ этомъ изреченіи указаніе на гностическое ученіе, общее Валентину съ Василидомъ, объ особомъ классѣ людей, спасаемыхъ по самому происхожденію (φύσει σωζή-

1) *De-Faye*, *Gnostiques*, p. 41.

2) *Philastrius*, c. XXXVIII: „animam ergo solam salvam, corpus autem hominis non salvam arbitratur“. Ср. Ps. Tertullianus, c. XII: „Resurrectionem hujus (т. е. Xp.) carnis negat“.

3) *Stromata* IV, 13, 89.—*Stählin*, p. 287: „ἀπ' ἀρχῆς ἀθάνατοι εἰσι καὶ τέκνα ζωῆς εἶσι αἰώνιας καὶ τὸν θάνατον ἤμετε περισσῶσαι εἰς ἑαυτοῦς, ἐκ διαπύσης αὐτὸν καὶ ἀναλώσετε, καὶ ἀποθνήσκει ὁ θάνατος ἐν ὑμῖν καὶ ἐν τοῖς ὅμοις. Ὅσα γὰρ τὸν μὲν κόσμον λύσετε, ὑμεῖς δὲ δὲ μὴ κατὰ λύσασθε, κυριεύετε τῆς κτίσεως καὶ τῆς φιλοφῶς ἀπίσης“.

4) *Stromata*. IV. 13. 89. *Stählin*, p. 287.

μελαν γένος). Но это учение стояло у Валентина въ противорѣчii съ его воззрѣнiемъ на I. Христа, какъ „единаго праведника“, являющаго силу очистить человѣческое сердце отъ злого духа¹⁾.—Намъ остается упомянуть еще объ одномъ фрагментѣ, который нѣтъ возможности поставить въ какую виб. связь съ приведенными, но который свидѣтельствуетъ объ эклектическомъ, синкретическомъ направленiи Валентина. Въ одной гомилiи „о друзьяхъ“²⁾ онъ говоритъ: „большая часть изреченiй народныхъ книгъ находится въ церкви Божией, ибо рѣчи, исходящiя изъ сердца, общи всѣмъ, есть законъ, написанный въ сердцахъ“.—Уже изъ немногихъ фрагментовъ сочиненiй гностика Валентина видно, куда устремлялись его взоры и къ чему тяготѣла его мысль. Вопросы этические и сотериологическiе прежде всего привлекали его вниманiе. Предъ нимъ, какъ и предъ другими гностиками, стоялъ вопросъ—unde malum et quare? Зло, страданiя, какъ печальное явленiе въ человѣческой жизни, отъ ангеловъ-демиурговъ. Они „испортили“ душу, происходящую изъ вышшаго мiра; злые духи овладѣли ею и сдѣлали изъ нея мѣсто пороковъ. Только одинъ Исусъ можетъ изгнать изъ души человѣческой злого духа.—Хотя зависимость Валентина отъ греческихъ философовъ не подлежитъ сомнѣнiю, однако при разрѣшенiи основной этической проблемы онъ не слѣдуетъ имъ. По понятiямъ Сократа, Платона, стоиковъ и др. зло относится къ области теоретической, интеллектуалистической и имѣетъ свой источникъ въ неправильномъ знанiи, въ ошибкахъ въ сужденiи. Валентинъ же, выдвигая

¹⁾ Stromata, II, 20, 114, текстъ см. выше.

²⁾ Stromata, VI, 6, 52, Stählin, p. 458: „πολλὰ τῶν γεγραμμένων ἐν ταῖς δημοσίαις βίβλοις εὐρίσκειται γεγραμμένα ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ τοῦ θεοῦ· τὰ γὰρ κοινὰ ταῦτα ἐστὶ τὰ ἀπὸ καρδίας ῥήματα, νόμος ὁ γραπτός ἐν καρδίᾳ“.

проблему о злѣ и страданіяхъ на первый планъ, вскрываетъ глубоко-органическіе корни зла.

Присоединить къ этимъ фрагментамъ что-либо, какъ несомнѣнно принадлежавшее Валентину, мы не имѣемъ возможности. Гильгенфельдъ ¹⁾ думаетъ найти болѣе или менѣе подлинное ученіе Валентина у Иринея, I, XI, 1... на томъ основаніи, что онъ замѣтствовалъ это мѣсто по всей вѣроятности изъ синтагмы Лустина. Однако большинство изслѣдователей, какъ мы видѣли, относятся недоброумно въ данномъ случаѣ къ нему. De-Faye ²⁾ хочетъ видѣть близкое Валентину ученіе объ искушеніи у Епифанія—XXXI, 7 и спекулятивное ученіе его у Иполита II. Что Епифаній въ указанномъ мѣстѣ развиваетъ мысли Валентина—это очень вѣроятно. Но основательность второго предположенія де-Файе подрывается чрезъ тотъ фактъ, что самъ Иполитъ II намѣревается дать въ своемъ изложеніи нѣкоторое резюме ³⁾, какъ думаютъ одни и какъ другіе; потому, что онъ считаетъ болѣе „чистою пифагорейскою догмою (самого) Валентина“, представленіе объ отцѣ, какъ единомъ только (ἕνῳ καὶ ἄρῳ)—это самое ученіе усвоитъ Иринею лишь отдѣльной группѣ валентиніанъ ⁴⁾.—Въ виду сказаннаго мы не рѣшаемся ничего болѣе приписать Валентину, какъ его несомнѣнно ученіе, и переходимъ къ его послѣдователямъ *).

М. Посновъ.

¹⁾ Hilgenfeld, Die Ketzergeschichte. S. 307.

²⁾ De-Faye, Gnostiques, p. 43, 93.

³⁾ Refutatio, VI, 29.

⁴⁾ Irimaeus. Advet. I, II, 5: οἱ μὲν γὰρ αὐτὸν ἄρῳ λέγουσι, μήτε ἄρρεα μήτε θήλειον, μήτε θῆλος ὄντα τι, ἀλλοὶ δὲ ἀρρενόθηλον αὐτὸν λέγουσιν εἶναι.

*) Продолженіе слѣдуетъ.